

К 150-ЛЕТИЮ ВЕЛИКИХ РЕФОРМ

УДК 94(47).08

Н.П. МАТХАНОВА

ОТНОШЕНИЕ ДЕЯТЕЛЕЙ АДМИНИСТРАЦИИ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ К ВЕЛИКИМ РЕФОРМАМ

д-р ист. наук
Институт истории СО РАН
г. Новосибирск
e-mail: istochnik_history@mail.ru

В статье рассматривается отношение к реформам генерал-губернаторов Восточной Сибири и ряда других высокопоставленных деятелей местной администрации. Многие из них, в том числе Н.Н. Муравьев-Амурский и М.С. Корсаков, поддерживали реформаторский курс правительства. Но высшая администрация региона добивалась большей самостоятельности и увеличения финансирования на нужды освоения Дальнего Востока. Либеральная бюрократия в центре не соглашалась ни на то, ни на другое.

Ключевые слова: реформы 60-х гг. XIX века, Восточная Сибирь, администрация, либеральная бюрократия.

Термин «Великие реформы» по отношению к реформам 1860–1870-х гг. представляется не только общепринятым и устойчивым [1, с. 151], но и исторически точным и справедливым. О значении и содержании этих реформ написано немало [1], но все еще остается ряд вопросов, не рассматривавшихся ранее или нуждающихся в новом освещении.

Поставленная в данной статье проблема имеет два аспекта: первый – это вопрос о распространении реформ на окраины империи; второй – об отношении чиновников к правительственному курсу.

Реформы, осуществлявшиеся 150 лет тому назад, проводились самодержавной властью, а поэтому не могли и не должны были встретить какого бы то ни было сопротивления со стороны ее собственного аппарата. Тем не менее, на деле можно видеть самый широкий спектр отношения представителей центральных и местных органов управления к реформам и их осуществлению – от скрытого противодействия и явного саботажа со стороны одних до горячего искреннего сочувствия и поддержки со стороны других. Примерно весь этот набор можно увидеть и у деятелей сибирской администрации, т.е. сравнительно высокопоставленных чиновников и офицеров, статус которых позволял им (разумеется, в существовавших иерархических рамках) высказывать собственное отношение к правительственному курсу.

Отношение к реформам во многом определялось позицией генерал-губернатора. Особенно это сказывалось

в Восточной Сибири, где за 10 лет управления Н.Н. Муравьев-Амурский сумел серьезно изменить состав высшего слоя административной элиты и повлиять на взгляды сделавших под его крылом карьеру высокопоставленных лиц [2, с. 55–61, 142–142].

Главная из реформ – крестьянская – наименее всего задевала интересы региона по причине практического отсутствия в крае крепостных крестьян и помещичьих имений. Позиция самого Муравьева в крестьянском вопросе определилась задолго до начала реформ и была обозначена еще в бытность его тульским губернатором [3, с. 21–26; 4, с. 106–110]. В проекте «Правил для переселения в Амурский край», которые должны были заложить основы устройства нового региона, уже в 1858 г. предполагалось введение частной собственности на землю, сословного равенства, системы самоуправления и суда и, главное, переселение крестьян из Европейской России с освобождением их от крепостного права [3, с. 189–194; 4, с. 191–192].

М.С. Корсаков, генерал-губернатор Восточной Сибири в 1861–1870 гг., будучи довольно крупным помещиком, оказался не слишком доволен условиями выкупной операции, но не эти обстоятельства определяли его отношение к реформам. Во-первых, почти все братья Корсакова побывали в числе мировых посредников первого призыва, активное участие в либеральном движении принимали и члены близкой по родственным отношениям семьи Бакуниных. Во-вто-

рых, доходы от имения давно уже не играли сколько-нибудь заметной роли в его финансовом обеспечении, да и сам он практически не занимался хозяйством. В-третьих, гораздо важнее роли помещика для него была роль «главного местного начальника». Однако подчиненные высказывали и другие мнения. Так, Ф.А. Анненков в одном из писем Корсакову (правда, уже после отъезда из Сибири) выражал недовольство выкупом и вообще условиями освобождения крестьян¹. Кстати, аналогично высказывался и А.О. Дюгамель – генерал-губернатор Западной Сибири в 1861–1866 гг. [5, с. 140; 6, с. 176–177].

Из реформ социально-экономического характера особенно важными для Сибири были те, что касались мастеровых и приписных крестьян горных заводов, государственных крестьян и казаков. Еще в конце 1840-х – начале 1850-х гг. Муравьев настойчиво добивался причисления нерчинских горнозаводских крестьян к казакам, расценивая это как их освобождение от полукрепостной зависимости. Из приписных крестьян Нерчинских горных заводов были образованы пешие батальоны Забайкальского казачьего войска, которые сыграли важную роль в движении на Амур. А.Т. Топчий привел многочисленные факты из истории борьбы Муравьева с Кабинетом за освобождение нерчинско-заводских горных рабочих на более выгодных для них условиях [7, с. 53–54]. Особенно заботила восточносибирские власти реформа горного ведомства. Миртовым посредником в Нерчинском округе Корсаков назначил одного из лучших своих подчиненных – честного и преданного делу князя А.М. Дадешкелиани, чья энергичная деятельность по защите крестьян от притеснений нашла поддержку у генерал-губернатора. В результате наделы для мастеровых были несколько увеличены, хотя непосильный оброк за землю сохранился [8, с. 114–116].

Позиция Корсакова в вопросе о характере земельных отношений в Восточной Сибири также была несколько либеральнее основных положений проекта реформы землепользования государственных крестьян. Так, в отчете за 1863 г. предлагалось введение частной собственности на землю, как крестьянской, так и крупных землевладельцев; это должно было способствовать развитию сельского хозяйства². Авторы отчета выступали против сохранения общины, считая, что она, хотя и имеет «исторические основы и соответствует народному духу русских обывателей страны, служит вместе с тем едва ли не важнейшим препятствием к развитию материального благосостояния ее»³. От общих рассуждений «главное местное начальство» было готово перейти к практическим действиям, поручив составить «проект правил для продажи частным лицам свободных государственных имуществ Восточной Сибири, с приспособлением предположен-

ного уже учреждения сельских банков для осуществления этого преобразования»⁴.

Один из наиболее либерально настроенных деятелей местной администрации Б.К. Кукель готовил проект «положения о казачьих войсках Восточной Сибири». Он стремился «вывести военный элемент из земледелия и домашнего быта казаков» и добиться «дарования им в этом гражданских прав», устранив вмешательство офицеров в хозяйство казаков⁵. В переработанном через год варианте высшая администрация Восточной Сибири вновь предлагала, во-первых, «представить войсковому народонаселению право общественного самоуправления в пределах Положения 19 февраля о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, и участия в делах гражданского и военного по войску управления посредством особых выборных». Во-вторых, применить к «казачьему населению» земские учреждения. В-третьих, отделить гражданское управление в войске от военного⁶. В отчете за 1865 г. тезис о необходимости коренной реформы был подкреплен сравнением положения казаков и нерчинских крестьян, из числа которых в 1851 г. было образовано забайкальское пешее казачество.

Крестьяне эти в свое время с переходом в казачье сословие были поставлены в несравненно лучшее против прежнего положение, но впоследствии соседнее им в Нерчинском горном ведомстве население получило новое устройство, основанное на благодетельных началах, изложенных в Положении 19 февраля 1861 г., представляющее им во многом большие преимущества против тех, которыми пользуются в настоящее время пешие казаки, а потому весьма было бы желательным предоставить в наискорейшем времени и этим последним воспользоваться... преобразованиями⁷.

Как известно, осуществить все это так и не удалось, хотя в конце XIX в. кое-что из предлагавшегося в 1860-е гг. все же было реализовано.

Нередко теоретически приверженные курсу реформ администраторы на практике вынуждены были отступать от него. Одной из самых болезненных была проблема колонизации Приамурья. Сторонник реформ П.В. Казакевич, как и сам Муравьев, был вынужден признать неизбежными на первых порах военно-административные методы колонизации, хотя считал необходимым отказ от них по мере достижения первых успехов⁸. Он отмечал, что особенно важно «избавление крестьян от всяких повинностей», указывал на отрицательные последствия заготовки леса и осуществления других работ «казенными средствами», т.е. силами наряда матросов и солдат линейных батальонов⁹. Приморский губернатор настойчиво просил цент-

⁴ Там же. Л. 23.

⁵ ОР РГБ. Ф. 137. Карт. 96. Д. 9. Л. 45 (письмо Б.К. Кукеля к М.С. Корсакову от 19 дек. 1862 г.).

⁶ РГИА. Ф. 1265. Оп. 6, 1864 г. Д. 119. Л. 73–73об.

⁷ Там же. Ф. 1281. Оп. 7, 1866 г. Д. 84. Л. 63–64об.

⁸ РГА ВМФ. Ф. 1191. Оп. 1. Д. 13. Л. 7.

⁹ РГИА. Ф. 1191. Оп. 1. Д. 14. Л. 23 об.–24, 14–16.

¹ ЦИАМ. Ф. 864. Оп. 1. Д. 24. Л. 460.

² РГИА. Ф. 1265. Оп. 6, 1864 г. Д. 119. Л. 21об.–22.

³ Там же. Л. 20.

ральные власти разрешить свободное переселение крестьян Воронежской и Самарской губерний, подавших ему прошения, доказывал преимущества добровольных переселенцев: «Люди эти, идя по собственному желанию, с большею энергиею займутся хозяйством... и при встреченных трудностях не будут никого упрекать»¹⁰. Много раз и довольно резко высказывался Казакевич против переселения казаков из штрафных солдат¹¹. Однако Петербург решительно отказывался идти на предложения Казакевича и Муравьева.

Интерес и сочувствие Корсакова и большинства губернаторов вызвала правительственная политика по развитию народного просвещения.

Весьма своеобразными являлись позиции забайкальского губернатора Е.М. Жуковского и енисейского – П.Н. Замятнина. Оба они были рекомендованы из Петербурга благодаря своим высокопоставленным братьям – С.М. Жуковский занимал важный пост управляющего делами Главного комитета по крестьянскому делу, Д.Н. Замятнин являлся министром юстиции. Оба эти сановника были близки к группировке «либеральной бюрократии». Сами губернаторы также высказывались соответствующим образом. Зло, но убедительно писал о Е.М. Жуковском Б.К. Кукель:

Это человек умный, образованный, у которого прогресс с языка не сходит, заботящийся о народном образовании, о разных богоугодных делах, – но вместе с тем не забывающий каждое подобное дело... отравить, помертвить ядом какой-то особенной злости, какого-то особенного злого недоверия ко всему человечеству¹².

В «Обзрении Енисейской губернии», составленном, как и полагалось, вскоре после вступления в должность губернатора, П.Н. Замятнин доказывал необходимость и пользу создания «народных школ» и предлагал «предоставить свободу сельскому населению» в выборе форм обучения и даже учителей, «лишь бы приохотить и привлечь» его в школы. На деле он предлагал увеличить налоги примерно на 15 коп. с души в год на нужды создаваемых школ¹³. То же сочетание прогрессивных и либеральных идей и дополнительных налогов на их осуществление встречаем и у Е.М. Жуковского. Он не раз заявлял о решающей роли просвещения народа и развития в нем потребности в знаниях и предлагал «ассигновать на содержание народных училищ средства из общественного сбора, для чего увеличить подати»¹⁴. Число сельских и казачьих школ в области за время его управления увеличилось очень значительно, но учителями были люди едва грамотные и даже невежественные, причем сразу после его отставки учащихся стало меньше почти на тысячу

человек¹⁵. Другим излюбленным детищем Жуковского стало издание книг для народных школ. Но офицер для особых поручений Н.Г. Шульман писал Корсакову: «Жаль только, что продажа этих книг принимает немного вид обязательной для покупателей»¹⁶.

Более последовательным в стремлении содействовать просвещению был П.В. Казакевич. Среди его заслуг в этой сфере – создание библиотеки, типографии, начало издания газеты «Восточное Поморье», открытие школы для мальчиков из числа аборигенов, школы грамотности для матросов, Николаевского мореходного училища, ремесленного училища при Николаевском механическом заводе и женской гимназии.

Самой обсуждаемой и нашумевшей частью курса реформ стала политика гласности. Именно в этой сфере наиболее отчетливо проявлялись различия во взглядах деятелей администрации, так как они могли не только высказывать свои мнения в частной переписке или в официальных документах, направлявшихся в соответствующие инстанции, но и реализовывать их на практике. С 1857 г. в Сибири начали издаваться губернские ведомости, в 1860 г. появилась первая частная газета «Амур», в 1862 г. – еще одна, «Кяхтинский листок», и здесь полномочия местной власти были достаточно велики [9]. В литературе не раз отмечалась сравнительно либеральная позиция Н.Н. Муравьева и ряда его сотрудников в отношении периодической печати [10, с. 75; 11]. Он одним из первых русских государственных деятелей своего времени понял возможности периодической печати и начал их использовать для пропаганды успехов своих начинаний и новых проектов. Однако и в «Иркутских губернских ведомостях», и в «Амуре» при нем допускалось появление обличительных статей и даже открытая полемика, за что следовали выговоры из Петербурга.

Служившие тогда в Восточной Сибири чиновники и офицеры по-разному оценивали эту политику. Родственник Н.Н. Муравьева полковник Н.П. фон Моллер, командир 3-й конной бригады Забайкальского казачьего войска, с возмущением писал М.С. Корсакову:

Как ни полезна гласность, но на все же есть мера. А у нас в России уже стали печатно смеяться над нашими законами... Не мешало бы немного придержать господ учителей России, а то они доберутся и до издателей законов¹⁷.

Совершенно иной была позиция кяхтинского градоначальника А.И. Деспот-Зеновича. Некогда попав в Сибирь в качестве политического ссыльного и дослужившись в конце концов до губернаторского места благодаря своим способностям, родственным связям и покровительству Н.Н. Муравьева-Амурского, он неизменно и твердо отстаивал либеральные принципы. Будучи цензором созданного по его инициативе «Кях-

¹⁰ Там же. Ф.1265. Оп. 12. Д. 137. Л. 87 об.

¹¹ Там же. Оп. 6, 1864 г. Д. 117. Л. 43 об.–44.

¹² ОР РГБ. Ф.137. Карт. 96. Д. 9. Л. 35. Письмо Б.К. Кукуля М.С. Корсакову от 29 октября 1862 г.

¹³ РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 3025. Л. 786 об., 807, 809.

¹⁴ Там же. Ф. 1265. Оп. 10. Д. 197. Л. 44, 44 об.

¹⁵ Там же. Ф. 1281. Оп. 6, 1863 г. Д. 99. Л. 40 об.–41.

¹⁶ РГБ. Ф. 137. Карт. 127. Д. 20. Л. 45 об.

¹⁷ ЦИАМ. Ф. 864. Оп. 1. Д. 23. Л. 412 об. Письмо от 7 января 1860 г.

тинского листка», Деспот-Зенович пропустил ряд статей, вызвавших гнев и раздражение Жуковского, замещавшего генерал-губернатора. Защищаясь, Деспот-Зенович ссылаясь в письме к Корсакову на то, что лишь продолжает дело, начало которому было положено Муравьевым-Амурским, и указывал, что в столичной печати публикуются гораздо более резкие статьи. Он подчеркивал: публикации могли оскорбить лишь «зрение и слух, еще не свыкнувшиеся с свободным словом»; «если существует эта свобода заявления мнений там, где зорко следят за человеческою мыслию (т.е. в Петербурге. – Н.М.) – по особым на то причинам, то чем можно оправдать стеснение этой свободы в такой стране, как Сибирь, в которой человеческая деятельность не сжата рабскими условиями, не тронута политическими страстями и может расширяться и возвышать благосостояние края именно при свободе слова»¹⁸.

Самым важным для восточносибирской администрации являлся вопрос о распространении реформ на Сибирь. Позиция Корсакова была заявлена недвусмысленно. В отчете за 1863 г. говорилось:

Применение к Восточной Сибири тех преобразований в делах общественного управления, хозяйства и суда, которые по воле Вашего Императорского Величества предположены и отчасти утверждены уже для внутренних областей империи, должно неминуемо сопровождаться развитием гражданской деятельности и экономическими успехами в среде верноподданных обывателей отдаленной окраины¹⁹.

Через два года, в отчете за 1865 г. Корсаков вновь ходатайствовал «о даровании наравне с другими губерниями нашего отечества и Восточной Сибири... важных и благодетельных реформ», причем снова подчеркивал, что это должно иметь «несомненное благотворное влияние на успехи ее благосостояния»²⁰. Взгляды представителей «сибирской общественности» на проблему распространения реформ на Сибирь рассматривались в коллективной монографии иркутских историков [12, с. 152–171] и в работах М.В. Шиловского [13].

Общий курс высшей администрации края на распространение реформ на Сибирь был связан и с вопросом о месте Сибири в составе империи, обсуждавшимся в это же время. На заседании Политико-экономического комитета ИРГО 22 марта 1861 г. начавшаяся было дискуссия прекратила слова великого князя Константина Николаевича: «Сибирь – та же Русь»; это было понято в Иркутске как обещание, что Сибири будут «дарованы те же благие учреждения», что и всей России [14].

Вместе с тем высшее местное начальство явно считало, что Сибирь должна управляться на особых условиях. Муравьев и его последователи стремились к усилению власти генерал-губернатора на отдаленной

окраине и регулярно выступали против законного вмешательства министров в его деятельность. В одном из писем члена Главного управления Восточной Сибири В.Д. Карпова к Корсакову имеются слова, которые, вероятно, отражали позицию не только этого высокопоставленного чиновника. Сообщая своему патрону о том, что ряд проектов преобразований в регионе приобщен к соответствующим общеимперским и отложен, он заключал:

Пора бы господам петербургским сановникам понять, что Сибирь представляет совершенно особый мир, управление которым нисколько не зависит от тех мест, которые могут быть приняты для той или другой местности в России Европейской²¹.

В этом вопросе сибирская администрация решительно расходилась с либеральными бюрократами, которые само существование генерал-губернаторств рассматривали как атрибут старой крепостнической системы.

Еще серьезнее было расхождение в ключевом для властей Восточной Сибири вопросе о колонизации Приамурья. Это было объективное противоречие интересов, вытекавшее из региональной политики упомянутой влиятельной петербургской группировки. Стремясь к коренным социально-экономическим преобразованиям, она отнюдь не была расположена соглашаться на расходование сил и средств государства на нужды далекой окраины. Корсаков возмущался несправедливостью отношения центра к Сибири: Восточная Сибирь дает более 7 млн руб. дохода, а имеет расходу до 3400 тыс. Неужели в крайнем ее положении (наводнения и неурожай) правительство не поможет ей одновременно какими-нибудь 400 тыс. руб.?²² Характерен зафиксированный А.В. Ремневым применительно к 1870–1880-м гг. факт сотрудничества генерал-губернатора Западной Сибири Н.Г. Казнакова с идеологом областничества Н.М. Ядринцевым [15, с. 62]. Отмеченное этим же историком некоторое сближение сибирской администрации с сибирскими областниками могло объясняться именно откровенно колониальной политикой центра по отношению к Сибири.

Трагедией либерально настроенной администрации Восточной Сибири было отсутствие у нее союзников в обеих противоборствующих сторонах в центре. Противники реформ предлагали только насильственное военно-административное заселение и резко возражали против добровольной колонизации, которую (при возможности выбора) предпочли бы восточносибирские власти. Петербургские либеральные бюрократы – сторонники реформ – считали вообще продвижение на восток несвоевременным и отвергали всякую колонизацию, настаивая на экономии средств.

²¹ ОР РГБ. Ф. 137. Карт. 94. Д. 30. Л. 8 об. Письмо от 8 марта 1861 г.

²² ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 3475. Л. 56 об. Письмо М.С. Корсакова к Н.П. Игнатьеву, 15 окт. 1863 г.

¹⁸ ОР РГБ. Ф. 137. Карт. 88. Д. 26. Л. 13, 20.

¹⁹ РГИА. Ф. 1265. Оп. 6, 1864 г. Д. 119. Л. 94 об.–95.

²⁰ Там же. Ф. 1281. Оп. 7, 1866 г. Д. 84. Л. 101–101 об.

ЛИТЕРАТУРА

1. Захарова Л.Г. Великие реформы 1860–1870-х годов: поворотный пункт российской истории? // Отечественная история. 2005. № 4. С. 151–167.
2. Матханова Н.П. Высшая администрация Восточной Сибири в середине XIX века: Проблемы социальной стратификации. Новосибирск, 2002.
3. Барсуков И.П. Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский по его письмам, официальным документам, рассказам современников и печатным источникам: Материалы к биографии: в 2 кн. М., 1891. Кн. 2.
4. Матханова Н.П. Генерал-губернаторы Восточной Сибири середины XIX века: В.Я. Руперт, Н.Н. Муравьев-Амурский, М.С. Корсаков. Новосибирск, 1998.
5. Ремнев А.В. Генерал-губернатор Западной Сибири А.О. Дюгамель // Изв. Омск. историко-краеведческого музея. 1996. № 4.
6. Автобиография Александра Осиповича Дюгамеля / пер. с франц. // Русский архив. 1885. Кн. 3, № 10.
7. Топчий А.Т. Крестьянские реформы в Сибири (1861–1899). Томск, 1979.
8. Топчий А.Т. Политика Кабинета и местной администрации в отношении поземельного устройства мастеровых Нерчинского горного округа по положениям реформы 1861 г. // Некоторые вопросы истории Сибири. Томск, 1972.
9. Морозова Н.Н. Пресса как инструмент управления на губернском уровне накануне и в годы Великих реформ // Гуманитарные науки в Сибири. 2011. № 3.
10. Кубалов Б.Г. А.И. Герцен и общественность Сибири (1855–1862). («Полярная звезда», «Голоса из России», «Колокол» и «Под суд!» в Сибири). Иркутск, 1958.
11. Кубалов Б.Г. Первенец частной сибирской печати газета «Амур» (1860–1862 гг.) // Зап. Иркутск. обл. краевед. музея. Иркутск, 1961. Вып. II. С. 55–87.
12. Гиммельштейн А.В., Дамешек Л.М., Дамешек И.Л., Даниленко А.В. Региональная власть и общественность Сибири (XIX – нач. XX в.). Иркутск, 2007.
13. Шиловский М.В. Оценка сибирскими областниками реформ 1860–1870-х гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2011. № 3.
14. Амур. 1861. № 84.
15. Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь в конце XIX – начале XX века: проблемы регионального управления // Отечественная история. 1994. № 2.